

ЗА ПОСЛЕДНИЕ несколько лет заслуженный артист РСФСР Иван Герасимович Лапиков стал одним из самых популярных киноактеров. Каждая его роль всегда привлекает внимание зрителей. Это актер яркого, самобытного дарования. Наши читатели в своих письмах в редакцию часто просят поближе познакомиться их с любимым артистом. Выполняем их пожелание. Наш корреспондент беседует с И. Лапиковым.

— Театр и кино — вопрос не новый. И тем не менее я задаю его вам. Ведь вы пришли в кино после двадцати лет работы в театре!

— Да, я проработал в театре 22 года. В одном и том же — в Волгоградском драматическом имени Горького. В этом театре я сделал свои первые шаги после окончания Харьковского театрального училища, в нем я сыграл свыше восьмидесяти ролей, и его я оставил несколько лет назад ради кинематографа. Театр воспитал меня, сделал меня артистом. И все-таки я не жалею, что расстался с ним. И не потому, конечно, что в театре нагрузка у актера в несколько раз больше, чем в кино, что нужно репетировать каждый день и играть по 28 спектаклей в месяц. Дело в том, что театр стал неинтересен для меня. Я начинал свой путь при таких замечательных режиссерах, как Сергей Арсеньевич Майоров, Фирс Ефимович Шишигин, Николай Александрович Покровский, Леонид Сергеевич Фатин. К большому сожалению, интересные режиссеры в театре — все же редкость...

— Простите, я перебыл вас. Не кажется ли вам такое утверждение несколько преувеличенным?

— Нет. Сейчас многие режиссеры больше заняты выявлением себя, а не раскрытием всех возможностей актера. Актер при этом остается на втором плане. Собственно, с приходом Шишигина в наш театр — он проработал в нем 7 лет — и началось мое

Иван ЛАПИКОВ:

ПРОФЕССИЯ НАША ТРУДНАЯ

становление. Ведь когда актер становится актером? Когда начинает верить в себя. Если у актера нет веры в свои возможности, он робок, нерешителен, не знает, как подступиться к роли. А вот когда актер поверил в себя... Но этот момент надо суметь заметить и поддержать артиста. Актера надо готовить исподволь, постепенно. Режиссер должен вести его от роли к роли, от маленькой к большой. А что происходит иной раз? Молодой актер приходит, ему дают самую главную роль, и нередко бывает, что молодой актер просто шею сворачивает себе на такой роли, потому что он еще не может охватить всей сложности жизни, выразить ее на сцене или на экране. Не верю я тем, кто говорит, что вот так, сразу, «вышел и заиграл». Не видел я такого. А от непосильного груза — недолго и надорваться. В результате актер сыграл сам себя раз, сам себя — два, а «сам себя — три» — его уже никто не берет. Перегорел артист, не успев раскрыться по-настоящему. Актера надо воспитывать.

— И вот после 22 лет работы в театре вас потянуло в кино...

— Для многих это может показаться вполне естественным: ну, устал человек в театре, перестал получать удовлетворение, перешел в кино. Но мне никогда ничего не удавалось в своей актерской судьбе решить так просто. Все приходилось искать долго, болезненно... И если признаться честно, то я до сих пор не испытываю чувства полной удовлетворенности от работы в кино. Снялся уже во многих картинах, а подлинной радости на душе еще не

было. Я не люблю смотреть себя на экране. Смотришь — и все время ловишь себя на том, что есть в картине какие-то сцены более или менее получившиеся, а остальные еще очень далеки от нужного результата. Все время точит досада, что многое недоработано, недоделано. Пожалуй, из всего, что я пока сделал в кино, мне ближе всего дед Гаврила из фильма «Непрошенная любовь». Дело здесь, наверное, в литературе. Шолохов написал своего деда Гаврилу объемно и точно. В таком литературном герое актер начинает ощущать черты увиденного им самим, пережитого, близкого. А когда литература и актер объединяются, тогда и получается настоящий полнокровный образ. Хотя я вижу, что и в «Непрошенной любви» мне не удалось сделать все так, как надо было бы. Иногда я думаю, что, может быть, вообще в кинематографе невозможно артисту полностью раскрыть все стороны души своего персонажа. Выразить основные черты характера — это еще иногда удается, а вот прожить жизнь человека до конца, во всем многообразии за полтора часа экранного времени — это чрезвычайно сложно. В последние годы я снимаюсь не более чем в одном фильме в год. Предложений много, но я не часто соглашаюсь. Не хочется идти на компромисс. Я глубоко уважаю кинематографа. Кино — лучший пропагандист. Кино должно быть воспитателем, учителем, как хорошая книга. К сожалению, у нас не все главы из книги кинематографа хороши, есть и середняк, и откровенная серость. За эту зиму я прочитал добрых два десятка сценариев и не остановился ни на одном. А сниматься хочется, конечно. Одна картина в

год — это слишком мало! Но я не прощу себе, если пойду сниматься в плохую картину.

— Значит, главное для актера — труд, честное, бескомпромиссное отношение к своему труду!

— Не только. Во многих фильмах я снимался у молодых режиссеров. Хочешь не хочешь, приходилось помогать и себе, и им. Сейчас в кино много молодых режиссеров, и это хорошо, но зачастую они считают, что уже все знают, все превзошли. На деле же оказывается, что они не знают главного — жизни. А актерская работа берет свое начало от знания жизни, от способности проследить и осмыслить сложные процессы, происходящие в душах и поступках людей. Ведь мне интересно не только, как человек действует, но и как думает, как рождается та или иная его мысль, ведущая к поступку. Для этого надо знать людей, знать черты, присущие определенному социальному типу, возрасту, уровню развития человека. Если актер не будет знать жизни, типичных черт характеров людей, разнообразия форм их поведения, ему волей-неволей придется играть схему.

Наша профессия трудная и не очень благодарная. Особенно трудная, если по-настоящему относиться к ней. Есть люди, которые всю жизнь работают в кино и театре и искренне любят свое дело. Но этого мало. Надо не только любить искусство, но и что-то отдавать ему. Когда ничего не можешь отдать, то люби на здоровье, но не работай в искусстве. Это очень трудно — отречься от своего дела, от самого себя. Не все это могут, но это необходимо.

— Вы говорили, что до сих пор не получили полного удовлетворения от своей работы в кино. А какую бы роль вы хотели сыграть? Какова ваша мечта!

— Наверное, кинозрители этого не знают, но в театре я играл главным образом комедийные роли. Я сыграл Грознова и Глумова в пьесах Островского «Правда — хорошо, а счастье лучше» и «Бешеные деньги», шута в «Двенадцатой ночи» Шекспира, деда Сливу в «Стряпухе» Софронова.

А в кино получилось так, что я играю только драматические роли. Мечтаю о роли в хорошей комедии. Пока не везет. Некоторое время назад мне, правда, предложили комедийный сценарий, но это была комедия положений. А мне интересна комедия характеров, хочется сыграть комедийную роль, в которой возможно глубокое исследование характера, в которой будет заложено много разных человеческих качеств, трогательных и смешных. Но обязательно смешных. Я и артистов люблю главным образом комедийных. Из зарубежных мне ближе всего по духу, по манере игры Бурвиль. Много лет я был по-настоящему влюблен в Петра Мартыновича Алейникова. Это был наиталантливейший человек, актер колоссального обаяния. Мне близок Смоктуновский. Но мне кажется, что его не всегда правильно используют: ведь он великолепный комедийный актер, а играет в кино главным образом драму.

— И последний, традиционный вопрос, что вы любите в свободное от работы время!

— Гитару. Когда мне грустно, когда на душе «кошки скребут», гитара — лучший друг. А еще рыбалка. Я ведь на Волге родился, без рыбалки жить не могу. Теперь живу под Москвой, в Химках. Пока здесь не клюет, но скоро будут лещи рядом, на Канале имени Москвы. Но все-таки нет лучше рыбалки, чем на Волге...

Елена МОНАХОВА.

«Советское кино» 14 июня 1962г.

ЗА ПОСЛЕДНИЕ несколько лет заслуженный артист РСФСР Иван Герасимович Лапиков стал одним из самых популярных киноактеров. Каждая его роль всегда привлекает внимание зрителей. Это актер яркого, самобытного дарования. Наши читатели в своих письмах в редакцию часто просят поближе познакомиться с любимым артистом. Выполняем их желание. Наш корреспондент беседует с И. Лапиковым.

— Театр и кино — вопрос не новый. И тем не менее я задаю его вам. Ведь вы пришли в кино после двадцати лет работы в театре!

— Да, я проработал в театре 22 года. В одном из том же — в Волгоградском драматическом имени Горького. В этом театре я сделал свои первые шаги после окончания Харьковского театрального училища, в нем я сыграл свыше восьмидесяти ролей, и его я оставил несколько лет назад ради кинематографа. Театр воспитал меня, сделал меня артистом. И все-таки я не жалею, что расстался с ним. И не потому, конечно, что в театре нагрузка у актера в несколько раз больше, чем в кино, что нужно репетировать каждый день и играть по 28 спектаклей в месяц. Дело в том, что театр стал неинтересен для меня. Я начинал свой путь при таких замечательных режиссерах, как Сергей Арсеньевич Майоров, Фирс Ефимович Шишигин, Николай Александрович Покровский, Леонид Сергеевич Фатин. К большому сожалению, интересные режиссеры в театре — все же редкость...

— Простите, я перебыю вас. Не кажется ли вам такое утверждение несколько преувеличенным?

— Нет. Сейчас многие режиссеры больше заняты выявлением себя, а не раскрытием всех возможностей актера. Актер при этом остается в втором плане. Собственно, с приходом Шишигина в наш театр — он проработал в нем 7 лет — и началось мое

Иван ЛАПИКОВ:

ПРОФЕССИЯ НАША ТРУДНАЯ

становление. Ведь когда актер становится актером? Когда начинает верить в себя. Если у актера нет веры в свои возможности, он робок, нерешителен, не знает, как подступиться к роли. А вот когда актер поверил в себя... Но этот момент надо суметь заметить и поддержать артиста. Актера надо готовить исподволь, постепенно. Режиссер должен вести его от роли к роли, от маленькой к большой. А что происходит иной раз? Молодой актер приходит, ему дают самую главную роль, и нередко бывает, что молодой актер просто шею сворачивает себе на такой роли, потому что он еще не может охватить всей сложности жизни, выразить ее на сцене или на экране. Не верю я тем, кто говорит, что вот так, сразу, «вышел и заиграл». Не видел я такого. А от непосильного груза недолго и надорваться. В результате актер сыграл сам себя раз, сам себя — два, а «сам себя — три» — его уже никто не берет. Перегорел артист, не успев раскрыться по-настоящему. Актера надо воспитывать.

— И вот после 22 лет работы в театре вас потянуло в кино...

— Для многих это может показаться вполне естественным: ну, устал человек в театре, перестал получать удовлетворение, перешел в кино. Но мне никогда ничего не удавалось в своей актерской судьбе решить так просто. Все приходилось искать долго, болезненно... И если признаться честно, то я до сих пор не испытываю чувства полной удовлетворенности от работы в кино. Снялся уже во многих картинах, а подлинной радости на душе еще не

было. Я не люблю смотреть себя на экране. Смотришь — и все время ловишь себя на том, что есть в картине какие-то сцены более или менее получившиеся, а остальные еще очень далеки от нужного результата. Все время точит досада, что многое недоработано, недоделано. Пожалуй, из всего, что я пока сделал в кино, мне ближе всего дед Гаврила из фильма «Непрошенная любовь». Дело здесь, наверное, в литературе. Шолохов написал своего деда Гаврилу объемно и точно. В таком литературном герое актер начинает ощущать черты увиденного им самим, пережитого, близкого. А когда литература и актер объединяются, тогда и получается настоящий полнокровный образ. Хотя я вижу, что и в «Непрошенной любви» мне не удалось сделать все так, как надо было бы. Иногда я думаю, что, может быть, вообще в кинематографе невозможно артисту полностью раскрыть все стороны души своего персонажа. Выразить основные черты характера — это еще иногда удается, а вот прожить жизнь человека до конца, во всем многообразии за долтора часа экранного времени — это чрезвычайно сложно. В последние годы я снимаюсь не более чем в одном фильме в год. Предложений много, но я не часто соглашаюсь. Не хочется идти на компромисс. Я глубоко уважаю кинематографа. Кино — лучший пропагандист. Кино должно быть воспитателем, учителем, как хорошая книга. К сожалению, у нас не все главы из книги кинематографа хороши, есть и середняк, и откровенная серость. За эту зиму я прочитал добрых два десятка сценариев и не остановился ни на одном. А сниматься хочется, конечно. Одна картина в

год — это слишком мало! Но я не прощу себе, если пойду сниматься в плохую картину.

— Значит, главное для актера — труд, честное, бескомпромиссное отношение к своему труду!

— Не только. Во многих фильмах я снимался у молодых режиссеров. Хочешь не хочешь, приходилось помогать и себе, и им. Сейчас в кино много молодых режиссеров, и это хорошо, но зачастую они считают, что уже все знают, все превзошли. На деле же оказывается, что они не знают главного — жизни. А актерская работа берет свое начало от знания жизни, от способности проследить и осмыслить сложные процессы, происходящие в душах и поступках людей. Ведь мне интересно не только, как человек действует, но и как думает, как рождается та или иная его мысль, ведущая к поступку. Для этого надо знать людей, знать черты, присущие определенному социальному типу, возрасту, уровню развития человека. Если актер не будет знать жизни, типичных черт характеров людей, разнообразия форм их поведения, ему волей-неволей придется играть схему.

Наша профессия трудная и не очень благодарная. Особенно трудная, если по-настоящему относиться к ней. Есть люди, которые всю жизнь работают в кино и театре и искренне любят свое дело. Но этого мало. Надо не только любить искусство, но и что-то отдавать ему. Когда ничего не можешь отдать, то люби на здоровье, но не работай в искусстве. Это очень трудно — отречься от своего дела, от самого себя. Не все это могут, но это необходимо.

— Вы говорили, что до сих пор не получили полного удовлетворения от своей работы в кино. А какую бы роль вы хотели сыграть? Какова ваша мечта?

— Наверное, кинозрители этого не знают, но в театре я играл главным образом комедийные роли. Я сыграл Грознова и Глумова в пьесах Островского «Правда — хорошо, а счастье лучше» и «Бешеные деньги», шута в «Двенадцатой ночи» Шекспира, деда Сливу в «Стряпухе» Софронова.

А в кино получилось так, что я играю только драматические роли. Мечтаю о роли в хорошей комедии. Пока не везет. Некоторое время назад мне, правда, предложили комедийный сценарий, но это была комедия положений. А мне интересна комедия характеров, хочется сыграть комедийную роль, в которой возможно глубокое исследование характера, в которой будет заложено много разных человеческих качеств, трогательных и смешных. Но обязательно смешных. Я и артистов люблю главным образом комедийных. Из зарубежных мне ближе всего по духу, по манере игры Бурвиль. Много лет я был по-настоящему влюблен в Петра Мартыновича Алейникова. Это был наиталантливейший человек, актер колоссального обаяния. Мне близок Смоктуновский. Но мне кажется, что его не всегда правильно используют: ведь он великолепный комедийный актер, а играет в кино главным образом драму.

— И последний, традиционный вопрос, что вы любите в свободное от работы время?

— Гитару. Когда мне грустно, когда на душе «кошки скребут», гитара — лучший друг. А еще рыбалка. Я ведь на Волге родился, без рыбалки жить не могу. Теперь живу под Москвой, в Химках. Пока здесь не клюет, но скоро будут лежи рядом, на Канале имени Москвы. Но все-таки нет лучше рыбалки, чем на Волге...

Елена МОНАХОВА.